

Рано утром Пэй Яо подхватил деревянное ведро, взял плетеную корзину и, на ходу бросив домашним пару слов, поспешил со двора напрямик к дому Ян Фэнняня.

Ведро в его руке мерно покачивалось в такт размашистым шагам; временами, когда парень прибавлял ходу, из-под щелей деревянной крышки выплескивались прозрачные капли.

В ведре плавали три десятка крупных и мелких вьюнов — черные, скользкие ленты. Накануне, едва выудив их из речной тины, Пэй Яо дважды промыл добычу в чистой воде, так что на рыбешках не осталось ни крупинки песка, и лишь после этого пустил их отстояться в ведро.

Вьюны — рыба на редкость живучая, куда крепче обычных карасей: даже запертые в тесном деревянном тазу, они могли без еды преспокойно существовать несколько дней, не теряя бойкости.

Ян Фэннянь к тому времени уже запряг осла и всю укладывал добро в повозку. Сегодня, помимо своего улова и накопанных вьюнов, он вез в поселок две корзины целебных кореньев, накопленных за последнее время.

Пэй Яо и Пэй Жун собирались ехать вместе с ним, напросившись попутчиками.

Ослик бодро зацокал копытами по грунтовой дороге и вскоре побежал легкой рысцой.

Езда на телеге — дело тряское, рыба да вьюны так и норовили выпрыгнуть наружу, поэтому деревянные ведра были плотно прикрыты крышками. Пэй Яо и Пэй Жун устроились на краях телеги и при каждом подозрительном всплеске придерживали крышки ладонями.

В бамбуковой корзине, которую Пэй Яо держал на коленях, лежали две законченные деревянные миниатюры.

Пэй Жун, заприметив их, не удержался, запустил руку в корзину и бережно выудил одну поделку, принимаясь придирчиво её разглядывать.

— Это что, овсянка? — поинтересовался он.

— Угу, — Пэй Яо и сам был на редкость доволен этой работой.

Деревянная птица вцепилась лапками в веточку и лукаво склонила голову набок, точно высматривая что-то впереди. В этот раз парню особенно удались глаза — живые, с лучистым блеском.

Мастерства ему всё еще не доставало, ведь вырезал он лишь в редкие минуты отдыха, так что порой приходилось полагаться на чистую удачу. Но теперь, когда фигурка была раскрашена, а глаза аккуратно выведены тонкой кистью, Пэй Яо не мог на нее налюбоваться, втайне гордясь своей сноровкой.

Пэй Жун, крутя поделку в руках, между делом заметил:

— В народе ведь говорят: «Богомол охотится на цикаду, а овсянка ждет позади». Ежели ты сумеешь вырезать всю эту картину целиком, за нее в городе, глядишь, не один лян серебра отвалят!

Пэй Яо ухмыльнулся, запустил руку за пазуху и выудил оттуда какую-то безделушку, небрежно бросив её приятелю.

Пэй Жун ловко поймал подарок — это оказалась цикада. Краска на нее еще не легла, но очертания угадывались без труда: выпуклые глаза, тонкие крылышки и сегментированное брюшко были выполнены со знанием дела.

Пэй Яо пояснил:

— Птицы мне привычнее, а вот со всякими букашками я не особо силен. На одну эту цикаду кучу времени убил. А у богомола лапки тонкие, сочленения хрупкие — с ними мороки еще больше. Из соломы сплести — куда ни шло, а вот браться за нож да резать такое из дерева я пока не решусь, сноровки не хватит.

Надо будет на досуге наловить живых богомолов, посадить в плетеную клеть да рассмотреть как следует, чтобы в голове каждая черточка отпечаталась.

Пэй Жун еще немного повертел в руках деревянную цикаду, рассудив, что раскрашенная овсянка всё же выглядит куда наряднее.

На самом дне корзины пряталась вторая поделка. Пэй Жун еще раньше заметил там буйство ярких красок, а когда вытащил вещицу на свет, и вовсе так и расплылся в улыбке.

На этот раз Пэй Яо вырезал птичье гнездо из цельного, увесистого куска древесины. Коричневые и черные мазки краски, имитирующие переплетение прутьев, вышли на диво удачными — просто, но со вкусом.

В самом гнезде, помимо круглой, пухленькой длиннохвостой синицы, красовался целый ворох цветов.

Красные, желтые, белые и синие бутоны плотным кольцом окружали птицу, отчего казалось, будто она сама принесла всю эту красоту в клюве, дабы украсить свое жилище.

Хвост синицы был задорно вздернут вверх, а голова горделиво поднята — ну чисто важный господин!

Саму птичку можно было вынуть — Пэй Яо сделал её отдельно от гнезда. На шее у нее красовался крошечный венок, тоже вырезанный из дерева: тонкие прутики были выкрашены в сочный зеленый цвет, а у мелких цветочков были аккуратно прорисованы лепестки и сердцевинки.

Пускай веночек вышел не слишком изящным и слегка топорным, но этот малый изъясничать не портил общего впечатления — от одного взгляда на поделку на душе становилось светло и радостно.

Пэй Жун не сдержался и шутливо ткнул Пэй Яо кулаком в плечо:

— Ну и голова у тебя, парень! И как только додумался?

Мало того, что соображалка варит как надо, так еще и это ремесло, которому он выучился сам, без всяких мастеров, вызывало у окружающих жгучую зависть.

Будь у него самого такой талант, он бы настрогал парочку таких деревянных птиц, и стоило бы положить глаз на какую-нибудь пригожую девушку или милого шуанъэра — поднеси им такой подарок, и дело в шляпе! Любое сердце растает, и не надо будет голову ломать, где жену искать.

Пэй Жун не только подумал об этом, но и высказал свои мысли вслух.

Ян Фэннянь, правивший осликом, услышал его речи и язвительно вставил:

— Нашел кого в пример ставить! У него-то суженый в доме с малых лет подрастает, куда ему до тебя? Это тебе приходится соловьем заливаться да чужие пороги оббивать, чтобы хоть капельку внимания заслужить.

— И то правда, — Пэй Жун бережно уложил миниатюры обратно в корзину, наполовину с улыбкой, наполовину со вздохом.

Немного помолчав, он снова обратился к Ян Фэнняню:

— Ты ведь в детстве тоже целыми днями крутился в мастерской своего второго дяди, видел, как он дерево строгает. Ты же к нему куда ближе был, неужто ничему не научился?

Деревенский плотник Ян Эрбао приходился Ян Фэнняню родным дядей по отцу. Когда Пэй Яо и Ян Фэнняню было лет по семь-восемь, они были неразлейвода.

В плотницком дворе всегда валялась куча всяких обрезков и чурок. Для мальчишек этот сор был самым настоящим кладом: покопавшись в куче, всегда можно было отыскать невиданную диковинку.

Поскольку они были детьми, им прощались эти набеги на древесный хлам — парнишки хоть и озорничали, но никогда ничего не тащили без спросу. Ян Эрбао мальчишек любил и в свободные минуты частенько развлекал их: учил различать породы дерева, показывал, как выдолбить простую миску, и обучал названиям всяких долот, стамесок да рубанков.

Вот только когда они подросли, Пэй Яо перестал «подглядывать за мастером». Малышам такие шалости сходят с рук, а со взрослого парня и спрос другой — плотник мог подумать, что у него крадут ремесло.

Порой, натываясь на трудную задачу, Пэй Яо мог днями напролет ломать голову, не зная, как подступиться к бруску. Ему до смерти хотелось порасспросить знающего человека, получить хоть малейший совет, да только на несколько деревень вокруг он один увлекался такой резной чепухой.

У Ян Эрбао подрастали двое собственных сыновей, да к тому же был верный подмастерье. Если бы Пэй Яо захотел выучиться плотницкому делу по-настоящему, ему пришлось бы отвесить мастеру земные поклоны и пройти через обряд чинного ученичества.

Но душа у него к этому не лежала — Пэй Яо любил возиться исключительно с мелкими безделушками. Того, что он успел подглядеть и запомнить в детстве, ему пока с горем пополам хватало.

Эти его птички да гнезда, если судить строго, изяществом и тонкостью работы не блистали. Брала они исключительно своей живой, деревенской простотой, принося парню небольшую денежку на карманные расходы.

Услышав слова Пэй Жуна, Ян Фэннянь со смешком отозвался:

— Легко сказать! Для такого дела искра божья нужна, талант! Я вот могу парочку деревянных чашек соорудить, а за эти вещи и браться не стану — ума не приложу, как делать. Да что там

говорить, ты сам-то, Пэй Жун, стоило бы тебе увидеть все эти резцы да долота в ряд, вмиг бы голову потерял от страха.

Ни Ян Фэннянь, ни Пэй Жун тонким умом и хитростью замыслов не отличались. Зато силы им было не занимать — на рыбалке да на ловле вьюнов они тоже зарабатывали неплохо. А то, что они порой ходили вместе с Пэй Яо в поселок продавать его деревяшки, так это за милую душу: на вырученные монеты всегда можно было купить вкусной еды да вина, погревшись в лучах чужой удачи.

Ослик выбрался на казенный тракт, и телега покатила куда быстрее и ровнее.

Солнце окончательно взошло, и встречный ветерок приятно охлаждал кожу. В такой погожий день, когда не было ни удушливой сырости, ни изнуряющего зноя, на душе становилось на редкость легко и радостно.

Заведя снова речь о невестах, Пэй Жун заговорщицки вскинул брови и покосился на Пэй Яо:

— Слышь, парень, а у вас-то с Чанся как дела?

Он выразительно приставил друг к другу большие пальцы рук и с ухмылкой спросил:

— Что, родичи твои пока не торопятся со свадьбой?

Пэй Яо на миг замялся, а после, выбрав те слова, о которых можно было упомянуть прилюдно, буркнул:

— Самое позднее — через год.

Пэй Жун покатился со смеху:

— Да ладно тебе! Я же вижу, как ты извелся весь, как хвост пушишь! Неужто сможешь до следующего года терпеть?

Пэй Яо слегка нахмурился и с искренним недоумением переспросил:

— Это я-то извелся?

Он отродясь на людях к Чанся близко не подходил и ни с одной живой душой своими мыслями не делился. С какого перепугу Пэй Жун взял это в голову?

Стоило этим словам сорваться с его губ, как даже Ян Фэннянь, правивший повозкой, весело расхохотался.

Пэй Жун посмотрел на него с чистейшим презрением:

— Тоже мне, таинственный нашелся! Да разве от людей такое утаишь? Стоит тебе Чанся завидеть, ты обо всем на свете забываешь, летишь к нему сломя голову. У кого глаза есть — тот давно всё понял. Или ты думаешь, мы тут все ослепли разом?

— Приголубить его летишь, аж из штанов выпрыгиваешь, и хоть бы посмотрел сперва, обращает ли на тебя сам Чанся хоть каплю внимания!

Пэй Жун с великим наслаждением вывалил на приятеля все те колкости, которыми его самого только что окатил Ян Фэннянь, и на сердце у него знатно полегчало.

Пэй Яо опешил. Он и подумать не мог, что его потаенные мысли видны окружающим как на ладони — сам-то парень свято верил, что таится на совесть.

А Пэй Жун продолжал над ним потешаться:

— Ишь, засуетился, сопляк! Да только зря стараешься — Чанся на твои уловки не ведется.

Чанся даже дома старался держаться от Пэй Яо подальше, а уж на людях — и подавно.

Эти двое, у каждого из которых «в душе притаился черт» [идиома что означает, что у человека есть какой-то потаенный секрет, тайный умысел или скрываемые чувства ], своей неловкости и не замечали вовсе. Даже если их взгляды случайно пересекались, Чанся тут же испуганно отводил глаза.

Со стороны же казалось, будто Чанся принимает знаки внимания Пэй Яо с полнейшим, ледяным спокойствием — точь-в-точь как и в прежние годы, когда они были мальчишками.

На его лице не проступало даже капли смущения: он как ни в чем не бывало продолжал гнуть спину на работе, разговаривал мало, и прочесть по его лицу хоть что-то было решительно невозможно.

Вот оттого у всех и складывалось стойкое впечатление, будто Пэй Яо безответно бьется лбом о стену.

Ян Фэннянь тоже воспользовался случаем сказал:

— Твои эти ужимки да прыжки на какую другую девку, может, и подействовали бы, а Чанся всё же постарше нас будет на пару лет. Его не проведешь, так просто в твои сети он не поймается!

Сказав это, Ян Фэннянь и сам осекся, сообразив, что знатно приукрасил достоинства Чанся.

Тот хоть и был старше них на три года, но нравом обладал смирным, покладистым — послушный, бесхитростный малый, у которого на лице была написана природная честность и робость.

Если говорить по совести, не защищай его Пэй Яо с самого детства от деревенских задир, над сиротой в деревне давно бы уже издевались все кому не лень.

— С какого перепугу мне других дурить? — фыркнул Пэй Яо.

О том, что Чанся на самом деле ведется на его сладкие речи с пол-оборота, он, понятное дело, распространяться не стал.

От этих слов у Ян Фэнняня и Пэй Жуна внутри необъяснимым образом заскребли кошки.

Даже понимая, что Пэй Яо просто имел в виду, что никогда не заигрывал с другими, они не могли не признать очевидного.

Да уж, чего-чего, а Пэй Яо точно не приходилось из кожи вон лезть, чтобы заслужить улыбку пригожей девицы или милого шуанъэра. Стоило этому красавчику где-то показаться, как на него тут же устремлялись десятки девичьих взоров.

Заметив, как Пэй Жун смерил его злым, завистливым взглядом, Пэй Яо хмыкнул:

— И чего ты на меня волком смотришь? Толку-то никакого. Я никогда не расточал пустых речей да обещаний. Повстречаемся на дороге — перекинемся парой слов из вежливости, вот и всё.

Природа наградила его завидной статью и пригожим лицом, да и в речах он был ласков и приветлив. Стоило ему оказаться среди сверстников, как парню и шагу ступить не приходилось — все сами так и вились вокруг него.

Правда, детское восхищение сильно отличалось от девичьего заигрывания, которое началось, едва Пэй Яо вытянулся и раздался в плечах. Он и сам не заметил, как привык к этому постоянному вниманию.

Ян Фэннянь и Пэй Жун исходили тихой завистью.

В их возрасте, когда кровь бурлит, а в сердце расцветает первая любовь, разве могло им не хотеть подольше поболтать с деревенскими красавицами и красавцами? Посидеть вместе, посмеяться да подразнить друг друга — после таких минут любая тяжелая работа в поле на несколько дней вперед казалась не такой унылой.

Пэй Яо недовольно цыкнул языком:

— Ладно вам, хорош дуться! Вы же не этот недоумок Пэй Цзицзун, чтобы слюной от зависти брызгать да кусать локти. Ежели вас в таком жалком виде Цзян Иньде с товарищи застукают, вот тогда точно позору не оберетесь, всё лицо растеряете!

Пэй Жун закатил глаза, но злиться перестал.

Они с Ян Фэннянем и впрямь были парнями видными, куда приличнее многих деревенских оболтусов. Взять хотя бы того же Ян Фэнняня: стоило какой-нибудь свахе бросить взгляд на его крепкую фигуру, как та сразу понимала — дело верное, такой жених нарасхват пойдет.

Ослик упрямо тащил повозку вперед, но до поселка Фуян оставался еще добрый кусок пути. Наконец Ян Фэннянь, мерно помахивая хлыстом, негромко спросил:

— И всё же, друг... неужто ты и впрямь собираешься жениться на Чанся?

Пэй Жун тоже повернул голову, выжидательно уставившись на приятеля:

— Ты ведь исстари до смерти любил всё самое пригожее да нарядное, разве нет?

Они вовсе не пытались рассорить названных братьев. С Чанся они близко не знали, вражды к нему не питали, им просто было до смерти любопытно, что творится в голове у их товарища.

Пэй Яо и сам уродился писаным красавцем, так что его завышенные требования к чужой внешности казались друзьям делом вполне естественным и понятным.

К тому же историям о воспитанниках-суженных, чья помолвка в итоге шла прахом, в их краях было несть числа.

Пэй Яо слегка вскинул брови. Сперва он посмотрел на Ян Фэнняня и твердо переспросил:

— А почему бы и нет?

А после, помедлив, добавил:

— Чанся очень даже недурен собой.

Ян Фэннянь лишь хмыкнул и снова отвернулся, следя за дорогой.

Пэй Жун мысленно прикинул в голове черты лица Чанся и вынужден был признать: уродцем приемыш точно не был. Просто они с самого детства знали за Пэй Яо этот его дурацкий бзик — обожать всё красивое и воротить нос от дурнушек.

Он шутливо подмигнул другу:

— Эх, да ты ведь с малых лет такой привередливый! Я-то грешным делом думал: коли ты заартачишься да пойдешь против воли родителей, не желая брать Чанся в мужья, так уж точно приведешь в дом первую красавицу на все десять окрестных деревень!

Ян Фэннянь со свистом взмахнул хлыстом в воздухе и весело расхохотался.

А вот Пэй Яо от этих слов невольно опешил.

Заметив лукавую ухмылку Пэй Жуна, он быстро пришел в себя и небрежно бросил:

— Красавица, не красавица... против воли родителей не пойдешь, разве можно так просто перечить родительскому слову?

Ян Фэннянь, не оборачиваясь, поддакнул:

— И то верно. Твой батюшка в свое время столько сил положил на это дело... Про монеты я и вовсе молчу, но ведь Мэйчжу — край донельзя далекий, а он его, почитай, на руках через все горы и реки сюда привез.

Пэй Жун вспомнил о недавнем сватовстве самого Ян Фэнняня и принялся подтрунивать над приятелем. Пэй Яо тоже вставил пару колких словечек, но мысли его были уже далеко. Он опустил ресницы, уставившись в одну точку, и бог весть о чем погрузился в глубокое думу.

<http://bllate.org/book/17875/1731506>